

Несколько минут спустя в упряжке Демидова началась драка между двумя псами. Через мгновенье она превратилась в общую свалку. Демидов бросился разнимать собак, пытаясь голыми руками ухватить псов за шиворот и растащить их. Один из псов, в пылу драки желая вцепиться в чей-то подвернувшийся в этот момент загривок, сомкнул челюсти на кисти руки Демидова. Раздался отчаянный вопль. Демидов начал топтать собак ногами. Пришлось оттащить его от собак и разъяснить, что, наказывая собак, нельзя им ломать костей.

После этого случая Демидов стал относиться к собакам неприязненно и больше гуманных речей не произносил.

Многие думают, что езда на собаках — крайне быстрый способ передвижения. Это ошибочное представление. Гнать собак вскачь ни один уважающий себя каюра не будет, потому что собаки быстро разобьют себе лапы¹. Если при грузе на нарту в 10—12 пудов (не считая веса каюра) пустить собак вскачь, они больше десятка километров не пробегут — выдохнутся. Наоборот, каюр должен следить, чтобы собаки шли ровно, не рвали; если они чем-либо увлекутся и понесутся вскачь, их надо придерживать, чтобы силы их расходовались экономно. Собаки, бегущие легкой рысцой, делают по 6—8 километров в час, — как будто транспорт не быстрый, но на собаках можно совершать очень большие переходы.

Лошадь, запряженную в груженый воз или легковую пролетку, нужно через каждую полсотню километров останавливать на отдых и кормить. На собаках можно ехать без остановки 80, 100 и больше километров. Кроме того, собака может двигаться без корма в течение трех-четырех суток. Эскимосы и чукчи, живущие на крайнем севере и пользующиеся для перевозок исключительно собачьими упряжками, не считают 100—120 километров за большую дорогу и ездят на такие расстояния друг к другу в гости пить чай.

Опыт показал, что наиболее рациональной нагрузкой на каждую собаку можно считать 18—20 килограммов, не считая веса каюра. Если каюр будет всю дорогу идти пешком или на лыжах, то нагрузку можно довести до 30 килограммов на собаку.

Обычно эскимосы никогда сильно не нагружают нарту, так как любят лихую езду. Вообще у них очень развито спортивное чувство. Все завидуют охотнику, обладающему упряжкой, на которой он всех обгоняет, и каждый стремится завести для себя такую же.

Когда к нам бывало приезжали эскимосы и кто-нибудь из них, имевший незавидную, но менее уставшую упряжку, обгонял охотника, у которого была лучшая упряжка, он потом гордо об этом говорил: «Вот я оставил такого-то», «Я обогнал вот такого-то».

1 Во время зимних и весенних поездок собаки часто разбивают себе лапы в кровь. Поэтому у каюра должно быть в запасе несколько собачьих торбазов. Это мешочки, сшитые из ровдуги или парусины. У открытой части мешочка пришиваются две тесемки, которыми башмак привязывается к ноге у запястья. Как только каюр заметит, что какая-либо собака кровянист снег, он должен остановиться и надеть ей на пораженную ногу башмак, тогда рана не будет увеличиваться.

Веерная упряжка.

Ездить на собаках можно по острову круглый год, но только зимой передвижение быстрое и успешное. Летом, когда на тундре нет снега, далеко на собаках не уедешь, а на нарту много груза не положишь. Поэтому летом, как правило, по острову на собаках не ездят.

Поездки начинаются, когда тундра покроется хотя бы тонким слоем снега. Для осенних поездок по тундре и по морю нарту снабжают железными подполозками или подрезами. Железные полосы прикрепляют к полозам несколькими болтами. По миновании надобности их снимают. На тундре очень много щебня, поэтому если полозы не защищать железом, то за три-четыре поездки они так изотрутся о камни, что придут в негодность. Однако ездить на нарте с подполозками труднее: если подложенная нарта попадает на камень, ее трудно сдвинуть с места, и собаки останавливаются с хода. Нарта без подполозков, попадая на обнаженные от снега камни, теряет лишь стружку с полозов и, не задерживаясь, идет дальше.

Кроме того, подложенная нарта становится тяжелее на вес железа подполозов, что иногда равно весу нарты, и это снижает грузоподъемность нарты.

При поездках по осеннему льду тоже необходимы железные подполозки. Осенью морской лед еще не покрыт толстым снежным покровом, его влажная поверхность подернута тонкой пленкой рассола. Гладкий железный подполозок почти совершенно не склеивается с мокрым снегом или соленой поверхностью льда, скользит одинаково хорошо по той и другой поверхности. Совсем иначе ведет себя деревянный полоз. Зпитывая воду и рассол, он становится шероховатым. Сцепление с поверхностью льда или снега возрастает, ход нарты делается очень тяжелым.

Для поездок по осеннему льду можно использовать подполозки не только из железа, но и из костей. В первые годы на косах острова в большом количестве были разбросаны различные кости кита: позвонки, ребра и челюсти. Из челюстных костей эскимосы делали хорошие подполозки. Для езды по мокрому соленому льду и снегу такие подполозки гораздо лучше железных. Они не коррозируются, легче по весу и к тому же зимой, как и дерево, принимают войду, поэтому вполне пригодны для езды и зимой. Однако для поездок по тундре, когда земля не совсем еще покрыта снегом, ездить «на костях» нельзя, они изнашиваются так же быстро, как и дерево.

Зимой, когда тундра и море покрываются толстым слоем снега (ветры уплотняют его до твердости мрамора, и только местами поверху лежит слой мягкого снега), можно подполозки снимать (что обычно и делают эскимосы) и ездить на войде.

Войдой называют слой пресного льда, наносимый на рабочую поверхность полоза. Делается это так. Накануне поездки полозы нарты проваривают кипятком. Для этого нарту переворачивают полозами вверх и поливают их крутым кипятком, чтобы увлажнить тонкий слой рабочей поверхности. После этого берут кусок медвежьей шкуры, поливают ее холодной водой и наглаивают этим мехом рабочую поверхность полоза. При морозе в 15—20° наносимая вода немедленно замерзает тонкой пленкой. Операция повторяется много раз, пока слой льда не достигает толщины 5—6 миллиметров. После этого полоз становится зеркально гладким и блестящим. Иногда при войдании на поверхности полоза получаются бугорки. Эти бугорки надо соскоблить ножом, а затем продолжить войдание до нужных пределов.

Чтобы слой льда не скалывался с полоза при его прогибах в пути, каюры делают на сухом полозе насечки ножом, которые создают большое склепление полоза со слоем льда.

При морозе ниже 20° необходимо полозы на ночь или другое не- рабочее время закопать в снег, чтобы войда не вымерзала.

На чистом и ровном снежном покрове войда держится долго, на не- ровном быстро срабатывается, и ее приходится восстанавливать в пути. С этой целью к задку нарты на ремешке привязан кусок медвежьей шкуры, а у каюра под кухлянкой на животе все время переезда хранится бутылка с водой, плотно закрытая пробкой. Если полозы начинают скрипеть,

скользя по снегу, или, как говорят эскимосы в этом случае, «нарта кричит», это значит войда местами стерлась, и ее надо восстановить. Для этого нарту с помощью остоя стола приподнимают одной стороной кверху и войдают сначала один полоз, а потом эту сторону опускают, поднимают другую и войдают второй полоз. Для поливания медвежьей шкурки воду из бутылки набирают в рот и расходуют экономно, так как иногда приходится войдать по несколько раз за поездку. Если воды осталось мало, а путь далек, необходимо после каждого войдания класть в бутылку снег, нарезая его длинными тонкими кусками. Смешиваясь с оставшейся в бутылке водой, снег превращается в кашицу и под кухлянкой быстро превращается в воду. Нельзя сказать, что это очень приятно, когда к телу прикасается холодная бутылка со снегом, но вода совершенно необходима. Нужно помнить, что чем чаще войдаешь нарту, тем она быстрее идет, а ехать иногда приходится в сутки часов четырнадцать-пятнадцать.

Для характеристики трудности езды по соленому или влажному снегу и льду можно привести следующий случай. Зимой 1931 года нам необходимо было проехать на мыс Блоссом. Море уже давно было покрыто толстым слоем плотного снега, поэтому ездили на войде, сняв с полозов железо. В районе Скалы последней пургой намело на лед громадное количество снега. Берег здесь приглуб, лед под тяжестью снега осел, и вода выступила на поверхность. У самого берега образовалась глубокая наледь, а дальше снег был пропитан водой. О наледи было известно жившим в бухте Сомнительной, поэтому мы повернули подальше в море, чтобы объехать район засоления. Тем не менее мы все-таки попали на соль. Войда с полозами сразу же стерлась, и мы поехали на голом дереве. Нарты стали очень тяжелыми, будто их черти зубами держали за полозы, хотя они и не были сильно нагружены. Собаки никак не могли стронуть нарты с места. Пришлось привязать к переднему копыту лямку и впрячься самим в помощь собакам. Область засоления тянулась километров семь-восемь. На проход их мы затратили несколько часов, тогда как обычно это расстояние собаки проходили за час.

На косе бухты Предательской мы вышли на пресный снег и, поводив нарты, поехали дальше с нормальной скоростью.

Войдая нарту, нужно помнить, что проваривание полозов и их последующее войдание делают дерево полозов на морозе хрупким, поэтому нарту нельзя перегружать во избежание поломки полозов.

В щуговую упряжку запрягают от 4 до 14—16 собак. Мы, как правило, запрягали по 8 собак. Собаки использовались главным образом для индивидуальных поездок, и лишь изредка, когда требовалась помощь какому-либо эскимосскому хозяйству по переселению или завозу продовольствия, запрягали по 10—12 собак.

Однажды мне пришлось ехать на двух собаках. Случилось это так. Весною 1932 года недалеко от дома появился медведь. Мы организовали погоню. Павлов и Званцев выехали немного раньше, а я несколько задержался. Запрягая собак, я привязал задок нарты к столбу. Собаки, следя за удаляющимися нартами, неистово рвались вперед. Я уже

готовился отдать конец и ехать, но первые шесть собак, порвав потяг, убежали. У нарты остались только две коренные. Боясь, как бы убежавшие собаки не потерялись, я, особенно не раздумывая, решил догонять их на оставшихся двух.

Спустившись со склона, собаки быстро пересекли бухту и, схватив след своих товарок, оторвавшихся от упряжки, тянули что было сил. Я боялся, что собаки, пока мы догоним убежавших, дойдут до полного изнеможения, и потому часто соскакивал с нарты и, держась за дугу, бежал рядом. Уже в конце косы, то есть километрах в семи от дома, я увидел своих собак. Их держал Званцев, которого они догнали. Конечно, поездка на двух собаках возможна, только когда ими владеет охотничья страсть; иначе на такой упряжке не доплестись.

Езда на собаках требует большого мастерства и привычки. Даже пассажиру, а не только каюру на резко пересеченной местности приходится довольно препротивно.

В 1934 году на остров прилетел пилот Ф. Б. Фарих. Перед отлетом он выразил желание осмотреть площадку, с которой предстояло взлететь. Площадка находилась почти в километре от дома. Я приказал Таяну запрячь нарту и отвезти Фариха.

— Ну вот, теперь поезжу на собаках. На всем ездил, а вот на собаках не приходилось, — сказал Фарих, усаживаясь на нарту, где указал ему Таян.

Собаки пошли с бугра вскачь и через минуту были уже на льду бухты. На половине дороги Фарих сошел с нарты и больше уже на нее не садился. Пешком дошел до площадки и пешком возвращался обратно.

Не зная, в чем дело, я приписал это неполадкам с упряжкой и, выйдя навстречу, сердито направился к Таяну, готовый его обругать. Но Фарих меня перебил:

— Пускай медведь ездит, а я не хочу. Я думал, что из меня все кишки вытрясет. Это лихорадка какая-то, а не езда.

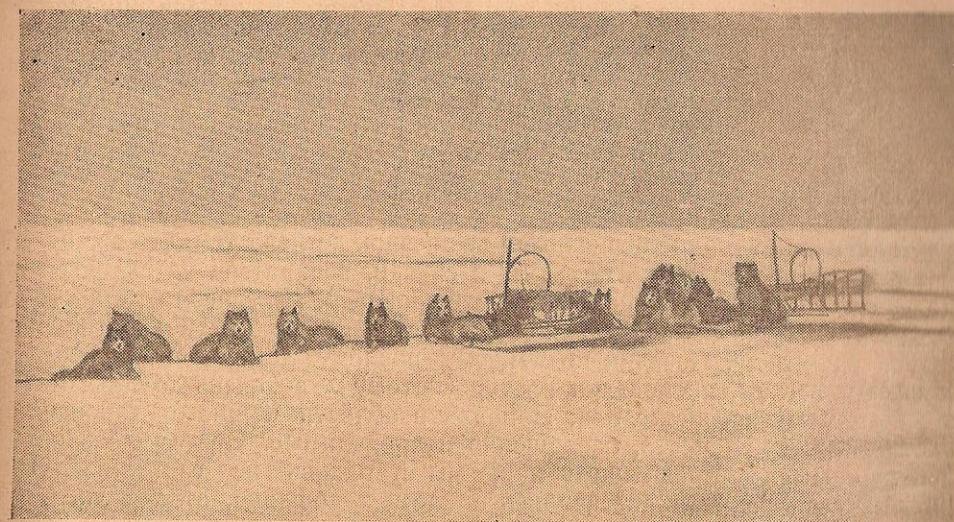
— Ах, вот в чем дело!.. Так это от непривычки. Привыкнете — будете ездить с удовольствием.

Но он, кажется, и до сих пор не расстался со своим мнением, что езда на собаках никогда удовольствия не доставляет, а рассказы о том, что это удобный вид транспорта, относят к «арктической клюкве».

Для нужд фактории у нас содержались три упряжки. Одну оставил Ушаков, другую вырастил Павлов, и только третью мы подобрали сами из привезенных собак. В каждой упряжке у нас было по десяти собак, ездили на восьми, а двух держали в запасе на случай какого-нибудь несчастья с нашими или эскимосскими упряженками.

Первые наши поездки на собаках представляли большое удовольствие для тех, кто смотрел на это со стороны, и много неприятностей для ездавших на них.

Помню первый день, когда мы готовились совершить коллективно сравнительно большую поездку. Наши злоключения начались в момент запрягания собак. Я говорю о себе и о враче, Павлов очень умело обращался с собаками и ездил на них с большим мастерством. Мы плохо

Отдых в пути.

знали собачью упряжь и, не разбирайясь в алыках, малые надели на больших собак, а когда пришлось запрягать меньшую, увидели, что оставшийся алык с большой собаки ей никак не подходит. Пришлось менять алыки. Собаки, уже пристегнутые к потягу, несмотря на окрики и щедро раздаваемые пинки, беспрестанно путались, переходили с места на место, поминутно вцеплялись в загривок друг другу. Когда же их, наконец, запрягли, они стали неистово рвать с места и только благодаря тому, что нарты были привязаны задками к столбам, не убежали без каюров.

Запрягали мы их на бугре у склада. Первый спуск под гору на бухту мне доставил чрезвычайно много неприятных переживаний. Ехать по бухте было несколько лучше. Но тут стали решительно мешать ноги, их некуда было девать. Нарта очень низка, поэтому ноги волочились по льду, что задерживало нарту, а главное — ступни поминутно бились о мелкие торосики, торчавшие из льда. Позже мы приучились держать ступни на полозе. В этот первый день нарта у нас поминутно перевертывалась. То один, то другой полоз попадал на еле видные торосы, а на хорошем ходу ее кидало то в одну, то в другую сторону. Мы еще не знали, что тело каюра — это не только груз, но и своеобразный аппарат равновесия. Торс и ноги каюра должны находиться в постоянном напряжении и немедленно реагировать на все неровности пути. Как мотоциклист ногами помогает на малом ходу или на поворотах сохранить равновесие мотоцикла, так и каюр то наклонением корпуса в ту или иную сторону, то опусканием ног, то нажимом на остил удерживает нарту на обоих полозьях.

Только совершив не менее полутора десятков поездок, мы постигли все тайны управления нартой, а к тому же привыкли и к тряске, причем

обнаружили, что когда сидишь на нарте мешком, то тряска ощущается острее, чем когда тело напряжено. Это напоминает поездку в разбитом трамвайном вагоне, который на ходу дрожит каждым своим болтом. Эта дрожь передается пассажиру, и его трясет, как в лихорадке, но стоит ему подняться на носки — и тряска становится менее ощутимой.

Первое время управлять собаками было трудно еще и потому, что они не слушались нового каюра, так как должны были привыкнуть к его голосу.

Поездки по тундре отличаются от поездок по льду тем, что все время приходится преодолевать подъемы и спуски, взбираться на склоны гор, пересекать долины рек, пробираться в ущельях. Но, несмотря на это, поездки по сухе никогда не могут представить таких трудностей, как поездки по льду. Поездки по зимнему ровному льду следует отнести к самым легким, но поездки по торосистому льду очень трудны, и тем труднее, чем торосистее лед. Попадая в области мощного торошения, часто встречаешь места, совершенно непроходимые. Поэтому без крайней нужды по второшенному морю мы старались не ездить. Только иногда, если на пути встречались области торошения, а объезжать их было очень далеко, приходилось пересекать несколько торосистых гряд.

Однажды нам пришлось проделать трудный путь через область тяжелого торошения вдалеке от берега.

Хорошо запомнились мне поездки в январе 1930 года на моренные льды в районе между островом Врангеля и мысом Северным для поисков следов летчика Эйельсона и бортмеханика Борланда.

В поисковую партию входили четыре человека. Базой избрали бухту Сомнительную. Оттуда намечали ходить в море для обследования района от меридиана бухты Сомнительной до меридиана бухты Роджера. На юг решили спускаться до встречи с подвижным льдом, или, как мы тогда говорили, до открытой воды.

5 января 1930 года мы вышли из бухты Роджерс. По дороге к Сомнительной нас захватила пурга. Мы добрались туда только на другой день, а 7 января отправились прямо на юг, во льды.

Километров на десять от берега тянулся гладкий, невторошенный лед. Но за гладким полем вдалеке виднелись высокие, как горы, гряды торосов. Путь по гладкому льду мы проделали быстро. Но с момента входа в торосы дорога стала необычайно трудной. Гряды тянулись параллельно берегу одна за другой до самого горизонта, как бы высоки мы ни поднимались для наблюдения. Шли мы крайне медленно, с трудом преодолевая нагромождения льдов.

Дорога затруднялась еще и тем, что частые в это время пурги и снегопады замаскировали трещины и провалы между торосами. То собаки проваливались, то нарта уходила в трещину — только дуга торчала из-под снега, то люди по самую грудь погружались в мягкий снег. Приходилось соблюдать крайнюю осторожность.

Особенно трудно было перебираться через гряды торосов. Временами мы ехали рядом с торосистой грядой к западу или востоку, надеясь

найти хоть мало-мальски удобный проход. Поиски оказывались тщетными, и нам приходилось идти напрямик. Тут уже нехватало сил ни у собак, ни у каюра. Каждую нарту поочередно переправляли соединенными усилиями всей группы.

Бывали и такие картины. Нарта стоит дыбом перед ледяной стеной, наверху ее тянет каюр, а с другой стороны стены болтаются в воздухе собаки, вися на постригах.

Полярный день, вернее сумерки, — время, когда спокойно можно двигаться в торосах, крайне короток. К счастью, небо было ясно, ярко светила луна. Поэтому, чтобы продвинуться возможно дальше, мы продолжали идти, когда спустилась ночь. Лунный свет давал неплохое освещение, но все видимое приобретало своеобразные формы. Глубокие тени от торосов и сами торосы каза-

лись совсем нереальными, как будто мы шли в какой-то волшебной местности. Каждый из нас использовал всякую возможность, чтобы осмотреться кругом. Часто делали остановки, особенно у высоких торосов, взирались на их вершину. До боли всматривался каждый в окружающий нас хаос, мечтал первым увидеть огонь или задранное вверх крыло самолета. Торосы, торчавшие под разными углами и самой различной формы, часто напоминали то крыло, то хвост, то фюзеляж самолета, лежавшего на боку. Смущенные увиденным, мы останавливали нарты и спешили туда, где, казалось, нашелся след потерпевших аварию.

В сумерки мы искали очертания самолета и темные пятна людей, в ночью старались рассмотреть, не горит ли где сигнальный огонь. И тут нас часто преследовали зрительные обманы.

Почти через каждые десять-пятнадцать минут кто-либо кричал: «Стой!» и заявлял, что он совершенно ясно видел пламя. Сейчас же все бросались к первому высокому торосу и напряженно всматривались в указанном направлении. Огня не было. Он пропал. Разочарованные, мы спускались вниз, поднимали собак и шли дальше.

Цуговая упряжка.

Это лунный свет, отражаясь от блестящих граней торосов, горел иногда зеленоватым огнем и приводил в смущение то одного, то другого участника нашей экспедиции.

Так мы прошли всего километров восемь-девять и окончательно измучились. Собаки тоже отказывались идти дальше, несмотря на понуждение и свист кнутов.

Стояла уже глубокая ночь, когда мы стали разбивать палатки. Под ногами была крепкая ледяная «почва». Но все же какое-то чувство неуверенности не оставляло и нас и животных. Время от времени к югу от нас, дальше в море, раздавались орудийные выстрелы. Это трещал лед, его двигало и торошило.

Ночь прошла спокойно. Все поднялись задолго до рассвета и двинулись дальше к югу по этому дикому нагромождению льдов.

За этот день мы преодолели еще километров семь-восемь и увидели на горизонте чистую воду. Было как-то странно смотреть на нее. Кругом снег, лед, торосы, на севере чуть-чуть угадывается синеющий остров, а впереди вода — живая, темная вода. Над нею стояло клубящееся облако пара. Белое облачное небо, отражая темные пространства воды, окрашивалось в аспидно-серый цвет.

Идти дальше на юг, к воде, было неразумно. Решили возвращаться. Вторая ночь на льду была столь же спокойной, как и первая. К утру небо покрылось облаками. Обратный путь проделали быстрее. Мы уже почти вышли из торосов, когда налетел северный ветер. Закрутился снег, собаки потеряли дорогу. Быстро надвигалась тьма. Никак не удавалось определиться: компасом пользоваться в темноте было невозможно, зажечь огонь не позволял ветер, электрические фонарики на морозе отказались действовать.

Долго, часов двенадцать, мы бродили во тьме, заметаемые снегом, искали выхода со льда на берег, но так и не нашли его. Собаки обессилили, да и мы сами вымотались. Не зная, где находимся, раскинули палатку, чтобы дождаться светлой поры. Но во время ветра и палатку раскинуть не так-то просто. Пока ставили первую палатку, ее разорвало ветром в клочья. Пришлось ставить другую. От пурги палатка защищала плохо, в нее забирался снег. Спать из нас никто не мог, к тому же неожиданно потеплело, и снег стал мокрым и липким, одежда у нас начала сильно промокать.

Ветер был столь сильный, что каждого тревожила мысль: а вдруг нас оторвет! Особенно беспокоился Тагью. Чаще других он выходил из полотняного прикрытия и подолгу оставался снаружи, вглядываясь куда-то сквозь слепящий снег и рев ветра. Мы, как новички, не сознавали всей трагичности нашего положения, а он, житель этой суровой страны, ясно понимал грозящую всем опасность.

Ночь провели тревожно. С первыми признаками «рассвета» все вышли из палатки, чтобы определить свое местонахождение. Ветер как будто утомился: его удары были не так сильны; казалось, и снегу неслось меньше, хотя вокруг все плавало еще в снежной пелене. Рассмотреть что-либо пока было невозможно. Рядом с палаткой расстила-

лось ровное снежное поле. И нарты и собаки были занесены глубоким снегом. Оказалось, что мы ушли далеко к западу, за бухту Сомнительную, а от берега находились километрах в десяти-пятнадцати. Начали собирать лагерь. До боли в пояснице пришлось поработать лопатой, чтобы откопать из-под снега нарты и упряжь.

Без особых приключений добрались до бухты Сомнительной и ночью 12 января прибыли на факторию.

Эта поездка хорошо запомнилась мне. И, конечно, только благодаря нашим четвероногим друзьям удалось совершить такую разведку благополучно.

В разгар полярной ночи поездки по морю часто бывают очень хороши. У берега лед почти всегда ровный; если и есть торосы, то между ними можно найти проход. Лед покрыт толстым слоем снега, и собаки без труда влекут вожданную нарту. Первобытную тишину, царящую вокруг, нарушают только удары собачьих лап о снег, да изредка скрипнет полоз нарты, давая знать, что стерлась войда.

Собаки бегут легко и ровно. Сзади и спереди бесшумно скользят спутники.

Мне неоднократно случалось ездить в такое время на собаках, и эти поездки, несмотря на звериную стужу, никогда не оставляли неприятного впечатления.

В летнее время в тех местах, где берег плоский и не изрезан бухтами, очень часто собака выполняет роль «буллака»: одна-две собаки с помощью длинного шнура или ремня тянут вдоль берега байдару или вельбот. Послушная голосу хозяина, собака, так же как и в нарте, бежит по берегу у самой воды и тянет за собой посудину, значительно облегчая работу человека. При подходе к проливу или отвесному уступу байдара приближается к берегу, берет на борт собак и на веслах обходит препятствие. Потом путники снова высаживают собак и отходят от берега. Собаки ташат посудину, а человек сидит на корме и управляет байдарой, не давая ей подходить к берегу.

Ездовая собака.

При запрягании собак в шлюпку нужно соблюдать следующее. Ремень или шнур должен быть значительной длины, не меньше 35—50 метров, иначе шлюпку будет прижимать к берегу, так как у рулевого не будет маневренного пространства. Шнур должен быть тонким и легким, иначе он своей тяжестью будет провисать, цепляясь за воду, а также прижимать шлюпку к берегу. Крепить шнур к шлюпке следует не за нос, а с борта у первой банки. Только при этом условии рулевой сможет придать судну желаемое направление, иначе шлюпка будет следовать прямо за шнуром и против воли рулевого может оказаться у берега. На шлюпке шнур нужно стремиться поднять возможно выше, чтобы тем самым нейтрализовалось неизбежное провисание. Для поднятия шнура можно употреблять весло, багор и любой другой шест; нужно иметь в банке отверстие, в которое входило бы весло или багор, а в киле пятку для упора. Расчаливать поднятый шест не нужно, так как прилагаемая сила невелика.

Летом собак иногда используют под выюк. Чаще всего это делается после удачной охоты на птицу. Четырех гусей связывают пачкой за шеи у самой головы и за лапы и вешают собаке на спину так, чтобы головы приходились у шеи собаки, а ноги на крупе. Нагруженная собака не пытается бежать, а чинно следует за хозяином. Таким же способом можно перевозить и другие грузы, необходимые в летних кратковременных походах. Хорошо для этого сшить специальные перегметные сумки, в которые и укладывать груз. Для этой же цели очень хороши военные санитарные сумки (для служебных собак). На крупную крепкую собаку в хорошие выюки можно грузить до 12—16 килограммов. Необходимо только, чтобы выюки были равновелики, иначе более тяжелый тюк потянет вниз, собака быстро устанет и будет ложиться.

Ученые утверждают, что дружба человека и собаки зародилась в те далекие времена, когда человек еще не умел возделывать землю и жил только охотой.

Пожалуй, только на Крайнем севере в сравнительно примитивном промысловом хозяйстве коренного населения можно видеть, как много дает такая дружба человеку.

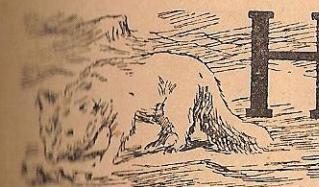
Без собаки невозможна охота на медведя и песца. Далеко не всякую медвежью берлогу может увидеть человек. А собака отыщет любую берлогу, как бы ни пряталась она в снегу. Если в берлоге лежит медведица с медвежатами, то их вообще без собаки не взять.

Имея хороших собак, эскимос решается ити на медведя в одиночку. И не зря — за сезон некоторые из них добывают до трех десятков больших шкур «царя Арктики».

Не обойтись без собак и на песцовом промысле. Эскимосу приходится ежедневно осматривать десятки самоловов-капканов, передко разбросанных по угодью на 25—40 километров. Сделать это можно, только имея хорошую собачью упряжку. Вот почему эскимос так высоко ценит своих четвероногих друзей.

ГЛАВА III

ПЕСЕЦ И ОХОТА НА НЕГО

НА ОСТРОВЕ Врангеля важнейшим промысловым зверем бесспорно является белый песец. Все туземцы занимаются промыслом этого зверька.

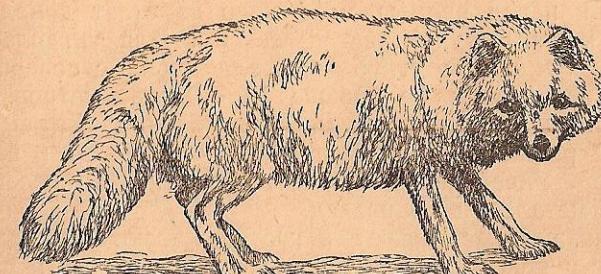
Примерно с 15 октября каждый промышленник выделяет из наличных запасов определенное количество моржового или какого-либо

иного мяса на приманки и раскладывает куски мяса на своем угодье.

Мясо моржа далеко не лучший материал для приманок. На острове Врангеля его употребляют потому, что моржового мяса много и его сравнительно легко добывать. Лучше устроить приманку из мяса нерпы, лахтака или медведя; песцы на такую приманку идут охотнее. Изредка эскимосы оставляют с лета по десятку-другому туш птицы — гусей, чаек и др. Тушки эти за время хранения сильно портятся, от них исходит острый гнилостный запах. А песец на эту вонючую гусятину идет отлично — у него, видимо, есть свои гастрономические вкусы. На крайний случай (если нет мяса) можно устроить приманку из куска моржового или нерпичьего жира. Но ежели по соседству есть приманка из мяса, песец на жир не пойдет.

Приманки обычно раскладывают в приметных местах, где их легче потом найти и где их не занесет снегом. Каждую приманку обкладывают кругом камнями так, чтобы доступ к ней был открыт только с одной стороны. Промышленники не посещают приманки до начала охоты, чтобы песцы привыкли к месту и не пугались зря.

Заблаговременное раскладывание приманок помогает удерживать песца на острове. С отлетом птицы для песца наступают трудные дни. Его «продовольственная база» сокращается. Остаются только лемминги. Но и лемминга песец может добывать только до тех пор,

Песец.

пока не подмерзнет тундра, — замершую землю песец разрывать не в силах. Зверек вынужден уходить из внутренних областей острова на побережье. Он привязан к острову, пока море не покрылось льдом. С начала ледостава песец уходит на лед и рыщет по нему в поисках съедобного. Вот почему приманки по берегу надо раскладывать еще до ледостава; тогда песец задерживается около них, у него пропадает охота уходить в море и бродить по льдам.

Ловят песца на острове обычными капканами. В отличие от Обского или Енисейского севера, Чукотка совершенно не употребляет других самоловов. Капкан позволяет иметь сравнительно небольшое охотничье угодье.

В первый день охоты промышленник грузит на нарту капканы и идет осматривать приманки. Песцы, рыскающие по побережью в поисках пищи, уже нашли приманки. Они давно бы поели все мясо, но для них открыт только небольшой участок приманки, и несколько песцов подойти к ней одновременно не могут. Благодаря этому приманки не съедаются полностью до начала охоты.

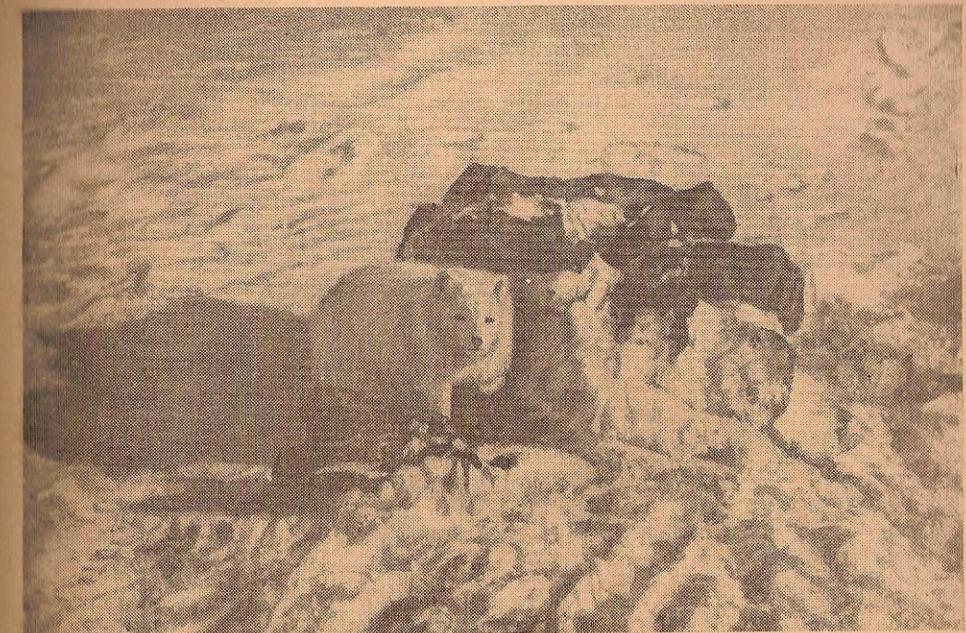
Обнаружив, что к приманке ходят песцы, промышленник настороживает капкан и ставит его с таким расчетом, чтобы песец никак не мог его миновать на пути к приманке. Лишь бы зверек наступил ногой на сторожок капканы. Конечно, капкан тщательно маскируется, так чтобы он совершенно не был заметен зверю.

В течение дня промышленник объезжает угодье и всюду, где обнаруживает следы песцов, настораживает капканы.

Перед началом промысла эскимосы тщательно готовят капканы. Если капкан имеет цепь для его укрепления, то к концу цепи каждого капкана привязываются небольшие чурки, 25—30 сантиметров длиной и 5—6 сантиметров толщиной. Привязывают чурки очень крепко, чтобы узлы не могли отиться сами по себе. Если капкан не имеет цепей, то к пружине первоначально прикрепляют кусок гибкого стального тросяика и уже к нему привязывают чурку. Тросик не должен быть больше 75 сантиметров. Употреблять для этого проволоку нежелательно, так как она недостаточно эластична, и песец может ее перекрутить. Совершенно непригодна для этой цели веревка — песец ее свободно перегрызет.

У приманки перед промыслом обычно наметает довольно высокий сугроб снега, который уплотняется ветром. Для укрепления капканов в снегу вырывают ножом углубление для чурки с совершенно отвесными краями на глубину не меньше 15—20 сантиметров, а для цепи — такой же глубины, но с наклоном. В углубление вкладывают чурку, а в наклонный ровик цепь, все это засыпают снегом и плотно утрамбовывают ногой. Укрепленный таким образом капкан песец не вырвет, как бы он ни метался и ни рвался.

Дужки капканов раскрывают и настораживают. Раскрытый капкан кладут на снег и ножом на снегу намечают его форму и размер. После этого ножом выкалывают соответствующей формы углубление с отвесными краями на глубину 8—10 сантиметров, а для остатка цепи

В капкане.

неглубокую канавку. Настороженный капкан вкладывают в углубление, а цепь в канавку. Затем из плотного снега вырезают кирпичик такого размера, чтобы он полностью закрывал углубление с вложенным капканом. Накрывают снежным кирпичом углубление, его несколько притирают, чтобы не было щелей, иначе ветер может сдувать покрышку. Притерев кирпич, излишки снега сначала срезают ножом, а потом осторожно соскабливают, чтобы сделать крышку тонкой; сквозь нее должен едва чернеть капкан. По возможности крышка должна быть одинаковой толщины над всем углублением и без отверстий. Цепь, вложенную в канавку, засыпают снегом и легонько утрамбовывают.

На следующий день промышленник объезжает угодье от приманки к приманке и проверяет, нет ли в капкане песца, не закрылся ли капкан вхолостую, не произошло ли еще чего-либо, что может помешать лову песца.

Если промышленник объезжает свои приманки каждый день, то пойманный песец к его приезду обычно еще остается живым. Маленький, беленький пушистый зверек, зажатый дужками капканов, всячески старается освободиться: клыки у него обломаны от попыток перегрызть железо капканов, весь снег вокруг измят, изрыт и окровавлен. Если капкан был недостаточно хорошо укреплен, то песец уходит вместе с капканом и носит его с собой до тех пор, пока не отпадет

зажатая часть лапы. При нас был случай, что песец, ушедший с канкомом с северной стороны острова, попал в капкан на южной стороне¹. Велико же было удивление промышленника Кмо, когда он нашел в своем капкане песца, да в придачу на песце чужой капкан!

Бывает, что песец уходит и из хорошо укрепленного капкана. Чаще всего он перекручивает лапу, а иногда просто перегрызает ее у самых дужек самолова. В большие морозы зажатый конец ноги из-за холода быстро мертвает, кость становится хрупкой и даже от незначительного усилия ломается, как стекло.

Ушедший без лапы песец не погибает, хотя, конечно, его подвижность и приспособляемость уменьшаются. Печальный опыт их ничему не учит. Трехногие, они тоже попадаются в ловушку. Иногда нам попадались в капкан трехлапые песцы, имевшие на культе застарелые рубцы.

Изредка песец в капкане становится добычей ворон или самки же песцов, причем эта участь постигает только погибших животных. В свободном состоянии «каннибализм» среди песцов нам наблюдать не случалось.

Обычно, когда промышленник останавливается с нартой в нескольких десятках метров от приманки, песец затаивается, и, только когда охотник подойдет совсем близко, он начинает метаться из стороны в сторону, бросается на него, шипит, как кошка, фыркает. Если охотник не будет достаточно осторожен, то он может испытать на себе остроту его зубов.

Чтобы не портить шкуру, песца не бьют и не стреляют, а душат, наступая ему ногой на грудь. Проделывая это, нужно остерегаться, чтобы песец не прокусил ступню; поэтому палкой или винтовкой надо прижать песца за шею к снегу, а потом уже наступать ему на грудь.

Задушив песца, промышленник обязательно связывает ему ноги и уже тогда кладет на нарту. Предосторожность не лишняя: случалось, что не совсем задавленные песцы, отдохнувши, уходили с нарты.

Значение песцового промысла для промышленников острова Врангеля громадно. Примерно 80 процентов всех товарных доходов эскимосских хозяйств составляет этот вид промысла.

Велики ли запасы белого песца на острове Врангеля? Есть ли опасность исчезновения его?

За годы существования на острове советского промыслового поселения было добыто в общей сложности много тысяч песцов, в среднем по 350—400 штук в год. Это на десять промысловых хозяйств. При большем количестве промыслового населения можно было бы добыть больше.

Сопоставляя результаты промысла песцов за истекшие годы, видно, что годовая добыча не одинакова. Были годы, когда промы-

¹ Каждый промышленник ставит на капкане свою родовую бирку. Это дает возможность определить, кому принадлежит найденный на песце капкан.

Просушка песцовых шкур перед упаковкой.

лилось до 700 песцов, а в некоторые годы число добытых песцов составляло меньше сотни.

Эти показатели, отмечая сезонные колебания, в то же время говорят, что запасы песца не уменьшаются и об исчезновении его на острове не может быть и речи.

Выезжая на остров Врангеля, я получил задание от правления АКО выяснить вопрос о возможности культурного звероводства открытым способом по типу применяемого на Командорских островах. Нам была дана одна кормушка-ловушка для проведения опытов подкормки и отлова песца. Кормушку-ловушку мы не поставили, потому что вынуждены были использовать материал для постройки жилья.

Но позже, когда мы основательно ознакомились с местными условиями, я пришел к заключению, что культурное звероводство открытым способом на острове Врангеля встретит много трудностей, а пожалуй, и вряд ли возможно. Прежде всего остров Врангеля, несмотря на то, что он географически является островом в полном смысле этого слова (ни одному здравомыслящему человеку не придет в голову это оспаривать), тем не менее не всегда является островом.

Пролив Лонга, отделяющий остров Врангеля от материка и имеющий в самой узкой части ширину 90 миль, с ноября по май покрывается мощным покровом полярного льда. Этот ледяной мост

недоступен для человека, так как перегорожен грядами непроходимых горосов. Но песец преодолевает его превосходно. Миграция песцов с острова Врангеля на материк и обратно затрудняет возможность организации открытого звероводства.

Миграция песцов доказывается многочисленными фактами.

На протяжении истекших лет было несколько случаев поимки голубых песцов. За время нахождения на острове группы Ушакова был выловлен один голубой песец. За последующие пять лет были пойманы два голубых песца. Помимо этих случаев, голубой песец на острове Врангеля совершенно не обнаруживался. Следовательно, эти три песца приходили с материка. Позже тоже были случаи поимки отдельных голубых песцов, это были старые особи.

Зимой 1931 года к фактории пришла красная лиса. Задущенную собаками, ее утром нашел эскимос Нанаун. Между тем никаких признаков, говорящих о наличии на острове этого зверя, ни раньше, ни после того не было найдено. Если красная лиса, которой не свойственно пребывание во льдах у острова Врангеля, попала сюда, то почему такой путь не может проделать песец — этот исконный бродяга полярных областей?

Против установки на острове кормушек-ловушек говорит еще одно обстоятельство. На острове часто появляются белые медведи, преимущественно самки. Осенью они приходят в большом количестве со льдов на остров для залегания в берлогах. Несмотря на то, что в это время медведи обладают чрезвычайно большой жировой прослойкой, они все же с жадностью набрасываются на все съедобное. Были случаи, когда медведи нападали на склады мяса, расположенные вблизи жилья. Если на острове расставить кормушки-ловушки, — постройки почти воздушного типа с легкой металлической сеткой, за которой должно находиться мясо для подкормки песца, — то они будут заманчивой приманкой и для медведей. Они, несомненно, попытаются добыть его и разрушат кормушки-ловушки. Построить же такие кормушки-ловушки, разрушить которые было бы медведям не под силу, мы не могли: у нас не было ни материалов, ни опыта.

Предложение о подкормке песца путем свободного раскладывания мяса по побережью встретило резкие возражения со стороны эскимосов. Они все в один голос заявили, что при такой свободной подкормке песцы совершенно не будут посещать приманки у капканов и весь промысел сойдет на нет. Подкорм песца так и не производился.

Песец гнездует на острове Врангеля в целом ряде мест. Он выбирает преимущественно возвышенные участки, не заливаемые водой, чаще всего песчаные холмики, в которых и выкапывает свои норы.

Мне не приходилось наблюдать индивидуальных нор, хотя туземцы утверждали, что они встречали отдельно живущие семьи, но чаще песец гнездует целыми колониями. Холмы, заселенные колонией песцов, изрыты бесчисленным множеством ходов. Хотя песок, связанный корнями растений, довольно плотен, все же он во многих местах проваливался, образуя ямы.

Особенно много гнездовищ наблюдалось в районе бухты Песцовой, на северо-западе острова; поэтому мы этот участок острова выделили как заповедный, и там совершенно не разрешалась охота, чтобы не распугивать животных.

Кроме бухты Песцовой, имеются большие колонии песцов во многих местах острова, чаще всего у берега.

Однажды, когда мы возвращались со сбора гусиных яиц по руслу реки Мамонтовой, собаки совершенно неожиданно резко свернули к берегу и бросились к небольшому холмiku. Не видя впереди ничего, что могло бы привлечь внимание собак, мы были удивлены их поведением. Через несколько мгновений псы, добежав до холмика, артелью начали разгребать песок. Оказалось, что там гнездовище песцов.

Это было в первой половине июня. У песцов уже вывелась молодь первого помета, и все семьи находились «дома». Из-под земли неслось глухое угрожающее урчанье. Никакие наши попытки не могли заставить хотя бы одного песца выйти на поверхность.

Спариваясь во второй половине марта и в начале апреля, самки в конце мая щенятся. По наблюдениям эскимосов, они приносят до десяти щенят¹.

Недели через три семья начинает выходить из норы и артелью бродит сначала недалеко от гнезда, а со временем уходит все дальше и потом вовсе не возвращается в родное логово.

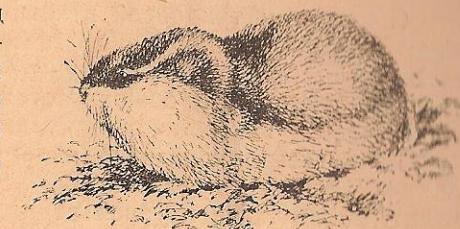
У песцов существует период пестования. Нам пришлось это наблюдать в 1932 году при заготовке живых зверьков для Московского зоосада. В середине июня эскимоска Инкали доставила четырех песцов. Три из них были пойманы среди камней в расщелине поблизости от фактории. В тот момент, когда к месту, где спрятались песцы, подошла Инкали, самка выскочила и, усевшись неподалеку, стала наблюдать за действиями эскимоски. Щенята были довольно большие. Близ фактории песцовых нор никогда не замечали. Следовательно, эта семья артелью охотилась вдалеке от гнезда. Туземцы рассказывали, что они неоднократно наблюдали песцевые выводки, бродящие с мамашей.

Спариваются ли семьи вторично на протяжении одного и того же года, выяснить не удалось. Туземцы дают разноречивые ответы.

Основной пищей для песца служит пеструшка — лемминг². Но вообще песец «не горд» и потребляет все, что считает съедобным.

¹ Согласно указаниям некоторых авторов, щенят иногда бывает до 14 штук, а Житков на Ямале нашел в одной из убитых самок во второй половине апреля 16 щенков, оформившихся зародышей («Звери Арктики», Л., 1935, стр. 433).

² Лемминг — полярная полевка, мелкий грызун из семейства мышиных.

Лемминг.

С прилетом тундровой птицы, особенно мелкой, которая не может сама справиться с хищником, песец становится тундровым разбойником. Он беспрестанно переходит с места на место, снует от кочки к кочке, ощупывает, обнюхивает каждую ямку, кустик и камень в поисках гнезда какого-нибудь кулика, пурпурки или другой птицы.

Если гнездо наполнено яйцами, то от них остаются только скорлупки. Молодь, которая еще не летает, тоже часто становится добычей песца. Даже такая крупная птица, как гусь, сама по себе беззащитна. Неоднократно приходилось наблюдать, как громадные стаи гусей, сидевшие в тундре, принуждены были перелетать с места на место, потому что вокруг них бродил песец.

Эскимосы неоднократно рассказывали о коллективной охоте песцов на гусей. Два, три, а иногда и больше песцов, отыскав пасущихся гусей, делятся на две партии. Часть залегает за камнями или другими прикрытиями, а другая тем временем гонит гусей в нужном направлении. Песец снует неподалеку в разных направлениях, медленно приближаясь к гусям, а гуси постепенно уходят от него, сохранив все время безопасное для себя расстояние. Подогнав гусей вплотную к засевшим в засаде, песцы бросаются на птиц, и пока обалдевшие гуси собираются лететь, многие из них становятся жертвами хитрого зверька. Трудно поверить, что песцы обладают такими сложными «тактическими» способностями, но эскимосы уверяли меня, что это действительно так.

На гусиные гнездовища песец почти никогда не нападает, потому что они, как правило, расположены в непосредственной близости от гнезд совы. Сова, защищая свое гнездо, тем самым защищает и гнезда гусей.

Зато линные гуси, собирающиеся большими стаями в лагунах и бухтах, часто становятся добычей хищников. Пока гуси находятся на воде, они недоступны песцу. Но вот они выбрались на косу для отдыха или ушли в тундру пощипать травы. Тут-то на них и нападает песец. Гусь хорошо бегает, человеку его не догнать, но быстроногий зверек его легко настигает.

Песец — большой любитель птичьих яиц. В поисках гнезд он пускается вплавь на песчаные островки, разбросанные по бухтам, где гнездуют гага и разные чайки. В этих случаях песец показывает себя хорошим пловцом, успешно проплывая значительные расстояния.

Охотясь за маленькими птичками, песец сам часто становится объектом нападения таких птиц, как сова, крупная чайка, ворон, бургомистра, поморник, ворона. Поэтому в тех местах, где расположено гнездо одной из этих птиц, песец не рискует появляться.

Лето для песца в отношении пищи — обильная пора; он успешно выкармливает молодь. Зимой ему приходится туда. Лемминг уходит глубоко под снег, а снег, уплотненный ветром, не всегда доступен для когтей песца. Вся птица с острова, кроме ворон, улетает. Поэтому, как мы уже говорили, песец принужден перекочевывать с земли на лед и там бродяжить в поисках съестного.

Некоторые полагают, что песец уходит на лед потому, что он там подбирает остатки пиршеств белого медведя. Верно, конечно, что маленький песец даже в объеках медведя найдет для себя много съестного. Но, конечно, не все песцы могут существовать за счет остатков пищи от белого медведя. Во всяком случае нам не приходилось наблюдать «кооперации» медведя и песца. Наоборот, есть основания утверждать, что песец и белый медведь друг к другу особенной привязки не питают. Белый медведь, проходя мимо приманки и увидев в капкане песца, обычно разрывает его в куски, мясо же, находившееся в приманке, съедает. Правда, в свободном состоянии песец, повидимому, не является предметом охоты медведя, конечно, если тот не особенно голоден. Уничтожение песцов, попавших в капкан, происходит как бы попутно. Подходя к приманке и заметив мечущееся животное, которое шипит, бросается из стороны в сторону, медведь давит его лапой, чтобы оно не мешало добираться до приманки, а потом съедает и песца.

Против возможности «кооперации» медведя и песцов говорит и то, что медведь, добыв крупное животное (моржа, тюленя), даже летом не покидает этого места и, если нет чего-либо, побуждающего его уйти, остается у добычи, пока ему не удастся съесть ее целиком.

Наконец, белого медведя не так много, чтобы за счет остатков его охоты могли существовать все песцы, рыскающие по морским льдам.

Надо учесть, что, помимо остатков медвежьих пиршеств, море дает большое количество съедобного за счет различных «шлаков». Погибшие в море организмы позднее всплывают на поверхность, вмерзают в лед и служат добычей зверя. По следам песца эскимосы иногда находят туши нерпы, лахтака, моржа и ставят около них капканы. Медведи тоже не брезгуют такими находками. Однажды промышленник Таян по следам песцов нашел на льду совершенно целую нерпу. Он поставил около нее несколько капканов, надеясь на другой день найти в капканах песцов. Но, как видно, незадолго до его второго приезда здесь побывал медведь. Капканы были разбросаны, а нерпа съедена без остатка.

Нерпа и лахтак доступны зубам песца в любой части туши, но морж одет толстой шкурой, и песцы начинают его грызть только в таких местах, где могут добраться до жира и мяса. Они ухитрялись выедать внутри моржа все мясо, жир, хрящи и оставлять только кожу да кости. Эскимосам случалось находить такую опустошенную изнутри моржовую кожу. Поедая моржа изнутри, песец сильно пачкается в жире и попадает в капкан основательно прожиренным. Большое количество прожиренных песцов является верным признаком того, что где-либо неподалеку лежит вмерзший в лед труп крупного зверя — моржа или даже кита.

Зимой песцам часто приходится голодать, и тогда они поедают все, что хоть отдаленно напоминает съедобное. На косе бухты Роджерс лежат старые китовые кости, выброшенные морем так давно, что

ог времени многие из них превратились в труху. Съедобность и питательность этих костей весьма сомнительны. Но как-то промышленник Югунхак заметил следы песцов, ведшие к этим костям. Осмотрев kostи, он обнаружил, что они во многих местах изгрызаны песцами. Югунхак, поставив около костей капканы, изловил несколько песцов.

В голодную пору песец становится смелым, даже наглым. Гонимые голодом в разгар зимы, они очень часто подходят близко к жилищу человека. У собачьих привязей всегда есть какие-либо остатки пищи. Эти остатки привлекают голодных песцов, они подходят к собакам, и те нередко хватают их и разрывают на части. Случалось при утреннем осмотре собак находить куски песцовой туши, клочки меха, свидетельствующие о разыгравшейся тут трагедии.

В большинстве случаев собаки не рвут песцов и не едят их, а просто давят. У нас только один пес Ивашка поедал задавленных песцов, остальные, задавив зверька, оставались совершенно равнодушными к трупу.

Конечно, не всякий песец, подошедший близко к жилью, обязательно становился добычей собак. Если зверек соблюдает минимальную осторожность, то ему удается уходить даже от собачьей погони. Нам не раз случалось наблюдать эти гонки, ставкой которых была жизнь зверька. Несмотря на то, что за песцом гналась стая псов, он, ловко лавируя, бросаясь из стороны в сторону, часто уходил от погони. Как только песец добирается до торосов, хотя бы небольших, он исчезает в какой-либо расщелине и становится недоступным для собак.

Охота на песца не развлечение, а очень тяжелая работа, требующая затраты большого количества труда и времени, сопряженная со многими неприятностями, а иногда и с опасностью для жизни промышленника. Модницы, для которых таким желанным является красивый, мягкий песцовый мех, не имеют и отдаленного представления о трудах, которыми сопровождается промысел этого мелкого хищника.

Промысел песца происходит, как уже было сказано, с ноября по середину марта, то-есть в самую холодную, самую пургливую и темную пору. Ежедневно промышленник на своей собачьей упряжке должен проезжать расстояние в несколько десятков километров, чтобы обехать и проверить капканы. Случается, что его вдалеке от дома застигает пурга и ему не всегда удается вернуться домой в тот же день. Бывало, что во время самой свирепой пурги, когда нос страшно высунуть из двери дома, мы слышали истощный лай собак, какую-то возню у дома, а потом стук в двери. В комнату входил засыпанный снегом, заиндевевший охотник.

Приехавший порой жил у нас и день и два, а то и неделю, пока не стихал ветер. Семья тщетно ждала его все это время. Правда, семья промышленников привыкли к частым и долговременным отлучкам мужей и отцов. И только когда очень уж свиреп и силен ветер, невольно приходит мысль: «Не замерз ли, не пропал ли?»

Каждый промышленник за период охоты на песца не один раз

«именит» кожу на своем носу и скулах. Полярный ветер при $30-35^{\circ}$ мороза шутить не любит.

С осени 1930 года я решил уменьшить период охоты на месяц: начинать ее на пятнадцать суток позже и кончать на пятнадцать суток раньше, чтобы она длилась с 15 ноября по 1 марта.

Было замечено, что время течки у песцов начинается приблизительно с середины марта; во второй половине марта в капканы попадали уже оплодотворенные самки, с зародышами. Чтобы не уменьшать запасы песца, я и распорядился кончать охоту раньше. Осенью, в начале промысла, в капканы шло много песцов, недостаточно хорошо вылинявших. Ценность невылинявших шкурок крайне низка, поэтому целесообразно было начинать охоту на пятнадцать дней позже.

Это мероприятие предварительно было всесторонне обсуждено с промышленниками. Они признали рациональность его, и действительно, практика показала, что количество добытых песцов не уменьшилось, а качество шкурок повысилось.

Нам, работникам фактории, шкурки песцов на протяжении первых трех лет доставили много забот и отняли уйму времени. За это время пушнина с острова не вывозилась. Специального складочного места для хранения пушнины не было. А порче эти нежные шкурки подвергаются легко. На зиму мы упаковывали шкурки в плотные брезентовые мешки и подвешивали их под потолок склада. Весной, как только ставил снег, выбрав ясный день, мы распаковывали мешки и вывешивали шкурки для просушки и проветривания. Случалось, что едва только развесим шкурки, как небо заволакивает тучами или налетает сильный ветер. Приходилось срочно пушину убирать. Хорошо еще, что на острове совершенно нет моли, иначе это еще больше осложнило бы хранение пушнины.

Мясо песцов вполне съедобно. Очищенное от жира, оно совер-

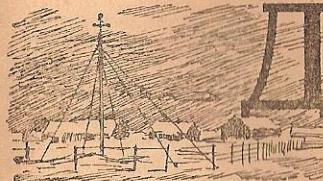
Проветривание шкурок белых и голубых песцов.

шенно не пахнет ворванью и вообще не обладает каким-либо неприятным запахом. На вкус оно очень нежно и приятно. В зимние месяцы, когда невозможно достать свежего мяса, — моржовое к этому времени дурно пахнет, а консервированное порядком прискучит, — мы не без удовольствия ели мясо пойманых песцов. Обычно мы брали не всю тушу, а только окорочка и приготавливали это мясо по-простецки, без всяких кулинарных выкрутас. Блюдо это называлось «тушеные песцовые лапки». По вкусу оно ничем не отличалось от тушеного кролика.

Необходимо отметить, что печень песца, повидимому, очень ядовита. Во время пурги, если она длилась несколько дней, в доме иногда кончалось мясо для собак, а ехать за ним на косу было очень трудно. В такие дни мы давали собакам тушки песцов. Одну тушку делили на двух собак. И вот собаку, которой доставалась печень, обычно через некоторое время после еды тошили. Если такой собаке вторично попадала часть туши с печенью, то она съедала все мясо, а печень оставляла нетронутой. Очевидно, печень, помимо ядовитости, имеет еще и неприятный запах или вкус.

Мех песца очень красив и хорошо греет. Одежда из песцовых шкурок легка и очень тепла. Но этот мех обладает двумя неприятными свойствами. Во-первых, он боится влаги. Если его носить наружу, то он быстро намокает, покрываясь тонкой водяной пленкой. Если же мех песца употреблять как подкладку, то он быстро сваливается ввойлокобразную массу. Свалявшийся песцовый мех восстановлению не поддается.

ГЛАВА IV ПОЛЯРНАЯ НОЧЬ

НИ становятся короче. Солнце стоит над горизонтом все ниже. Его громадный оранжевый круг совершает с каждым днем все более короткий путь, едва озаряя необозримые пространства, замятенные снегом. Холодное солнце прощается с землей, уходит на покой. Зимний период оно как будто израсходовало всю свою энергию и стало старчески бессильным и печальным. Но вот и короткие дни кончились, солнце совсем перестало показываться над горизонтом. Наступила полярная ночь.

Несколько дней после того, как солнце скрылось за горизонтом, ежедневно к 12 часам дня небосклон ярко горит и полыхает отблесками титанического пожарища, окрашивая облака в разноцветные краски — от карминно-красного до лилового. Солнце ушло, но оно еще не хочет окончательно расстаться с землей и лучезарными сияниями напоминает о своей близости.

Чем больше мы погружаемся в ночь, тем меньше и бледнее стано-

вятся отблески солнца, и, наконец, только серые сумерки говорят о том, что где-то «внизу», далеко от нас, солнце ярко светит, наполняя радостью все живущее.

Попавшему на север жителю средних широт, привыкшему со дня рождения к регулярному чередованию дня и ночи, полярная ночь вначале доставляет ряд совершенно новых и своеобразных ощущений и переживаний.

Хотя мы заранее готовились к полярной ночи, ждали ее, знали, что она в определенное время наступит, тем не менее наступление полярной ночи не проходило бесследно.

Во время полярной ночи несколько падает работоспособность, появляется некоторая апатичность, растет внутренняя недисциплинированность, даже аккуратные люди — и те становятся неряшливыми к себе и окружающим. Этот процесс идет незаметно. Сперва не вовремя побрился, затем совсем перестал бриться¹, все реже моет шею водой с мылом, траурная каемка под ногтями становится все шире и жирнее. Приходится всему коллективу воздействовать на таких товарищей.

— Послушай-ка, парень, — говоришь такому дружку, — шея-то у тебя черная, репу сеять можно. А руки — срамота сплошная!

— Ничего, сойдет, перед кем тут красоваться! Перед моржами, что ли?

Неряшливость порождалась еще и тем, что каждому приходилось самому стирать и штопать свое белье, подметать и мыть полы, — словом, делать то, от чего, живя в городе, он избавлен. Наш врач попытался устроиться со стиркой белья, как на материке. Он отвез в стирку белье к Тяню, за 110 километров. Но полученное доктором через несколько недель белье оказалось грязнее, чем до стирки. Эскимоски в те годы стирать еще не умели.

Стремление избавиться от стирки белья, особенно простыней, толкало на «изобретательство». Наши радисты купили для рации два овчинных тулупа. Для работы тулупы не нужны были, работать в них крайне неудобно, но они превратили тулупы в спальные принадлежности и спали в них, зачастую не раздеваясь. Наш врач, чтобы не возиться с носовыми платками, требующими частой стирки, тренировался чистить нос по-эскимосски — путем энергичного выдыха через нос. По этому поводу он сочинил теорию, что, мол, все зависит от того, где живешь: в Средней Азии, например, не считается предосудительным при людях ловить на себе блоху; на севере он не считает предосудительным, если под носом мокро. Только приход солнца, постепенное удлинение полярного дня изгоняет чувство душевной неуравновешенности, расхлябанности, помогает полярникам быстрее избавиться от приобретенных привычек.

Влияние первой полярной ночи оказывается особенно сильно. Из

¹ Этим в значительной мере объясняется появление бороды у многих зимовщиков, особенно молодых по возрасту.

всех полярников первой моей зимовки, живших на холостом положении, только Званцев не поддавался разлагающему влиянию Большой ночи. Он регулярно мылся, иногда в дикой стуже стирал белье, часто брился, хотя сначала совсем не умел этого делать и часто сдирали бритвой кожу вместе с волосами. «Стойкость» Званцева легко объяснялась: за плечами у него был опыт зимовки на Маре-Сале.

Многие представляют, что зимой на станциях жить скучно. Поэтому по возвращении на материк нас частенько спрашивали:

— А наверное, скучаща адова на острове Врангеля.. Ни театра, ни людей, пойти некуда, темно.

Но это неверно.

Скучно там, где нечего делать; скучно тому, кто ничего не делает. Там, где есть работа, и тому, кто работает, никогда и нигде скучно не бывает.

Даже в больших городах, где есть и театры, и люди, и многое другое, человек будет скучать, если ему нечего делать.

В полярную ночь первостепенное значение для здоровья и высокой работоспособности коллектива имеет правильная организация трудовых процессов. Время зимовщика должно быть занято работой такой же постоянной, как в городе, и даже досуги следует занимать чем-либо, чтобы не было праздности, чреватой разными осложнениями физического и психического свойства.

Строгий режим во всем, как условие нормальной зимовки, также совершенно необходим. Если человека не обязать в определенное время вставать, в определенное время кушать, в определенное время выполнять те или иные обязанности, то неизбежно в полярную ночь он спутает время сна и бодрствования. Такая путаница возможна и летом во время полярного дня. У эскимосов, например, мы наблюдали, что летом они вовсе теряют представление о времени суток. Зимой эскимос, занимаясь охотой, принужден вставать в определенное время, дабы использовать для обезода капканов светлые промежутки — сумерки. Раз встает глава семьи, за ним поднимается и вся семья. А летом, когда круглые сутки светло, охотиться можно в любое время. И вот все эскимосское население в дневные часы вдруг укладывается спать, а вочные бодрствует. Дети ночью играют, женщины занимаются работой по хозяйству.

Спутанность сна, особенно у зимовщиков, объясняется еще и тем, что во время длинной ночи увеличивается потребность в сне, внешне выражаяющаяся в сонливости. Наоборот, во время полярного дня потребность в сне меньшая, человек склонен больше бодрствовать.

Эта зимняя сонливость, если с ней не вести борьбы установлением жесткого суточного режима, в котором точно установлены время сна, работы и других сторон нормального существования, может полностью разложить коллектив.

Отрицательное влияние полярной ночи у нашей смены усугублялось отсутствием хорошей связи с материком.

Только человек, надолго заброшенный в пустыню, может понять, как много значит для полярника возможность в любое время получить телеграмму от своих близких или услышать голос любимой жены, любимого ребенка. В такие моменты пропадает бесконечность расстояния. И невольно твое сердце переполняется благодарностью родине, которая не забывает своих сынов в далеких полярных углах.

Несколько слов о страшной полярной гостью — цынге. Сейчас уже научились хорошо распознавать признаки этой болезни. Мы знаем, как и чем бороться с ней. Она уже не ведет к такой большой смертности, как это было раньше. Больше того, цынга совершенно изгнана из населенных пунктов Крайнего севера, и только отдельные люди заболевают ею не то по особому предрасположению к этому, не то потому, что не выполняют необходимых требований, предупреждающих эту болезнь.

Заболеванию цынгой зимовщик подвержен не одинаково на протяжении года. Нам удалось подметить прямую сезонную зависимость в этом отношении. Есть времена года, когда опасность заболевания цынгой повышается. На первый взгляд кажется, что наиболее опасное время — это период полярной ночи, когда отсутствуют живительные лучи солнца. На самом деле это не так.

Наиболее страшное время для заболевания цынгой — это весна (март, апрель и первая половина мая). Организм, истощенный за время полярной ночи, израсходовавший весь запас витаминов, накопленных летом, хуже сопротивляется этой болезни. Вот почему именно на весну следует сохранять запас противоцынготных средств, если нет возможности обеспечить зимовщиков витаминозными продуктами круглый год.

Несмотря на то, что зимовщики острова не имели свежих фруктов и овощей, витаминного голода не было. Начиная с мая, прилетает дичь, которую зимовщики промышляют до конца сентября, летом в изобилии есть мясо морского зверя, запасаемое на зиму. Следует думать, что мясо птицы и морского зверя содержит противоцынготные

Мыс Пиллар.